

УДК 32:93/94

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ ПО ОБЕ СТОРОНЫ КАСПИЯ

Р.М.Мамараев,
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

ruslan070@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрены и проанализированы современные конфликты и конфликтный потенциал двух важных и значимых для мировой политики с геополитической и энергетической точек зрения Прикаспийских регионов – Кавказа и Центральной Азии. Установлено, что основными причинами напряженности в данных регионах являются геополитическое и трансконтинентальное расположение, наличие огромных запасов энерго- и биоресурсов, а также мультикультурность населения.

Abstract: The article deals with the analysis of modern conflicts and conflict potential of two Caspian regions that are important for the world policy from geopolitical and energetic points of view – the Caucasus and Central Asia. The author has found that main causes of tension in these regions are geopolitical and transcontinental position, occurrence of large stock of energy and biological resources, and multiculturalism of the population.

Ключевые слова: Геополитика, конфликты, терроризм, милитаризация, национальная безопасность.

Keywords: Geopolitics, conflicts, terrorism, militarization, national security.

КАВКАЗ

Кавказ преимущественно гористый район в Евразии, расположенный к югу от Восточно-Европейской равнины, на границе Европы и Азии, между Чёрным и Азовским морями с запада и Каспийским морем с востока. Граничит с Россией, Центральной Азией, Ираном, Турцией. Косвенно граничит с Северной Африкой и Ближним Востоком, со Средиземным морем, Атлантическим океаном, Красным морем, Персидским заливом, Индийским Океаном. Для России, Европы, Ирана, Турции, Центральной Азии Кавказский регион имеет важное геополитическое, экономическое, военное значение. Регион имеет важное для Евразии геополитическое расположение. Находится на перекрестке крупных транспортных и торговых артерий. Поэтому региональные и мировые державы страны стараются закрепить здесь свое экономическое и военное положение.

На протяжении почти всего периода государственной независимости регион считался одним из самых беспокойных на всем постсоветском пространстве. Он был охвачен внутрисоюзными и межгосударственными вооруженными конфликтами. Экономика находилась в состоянии упадка. Положение в регионе стало меняться во второй половине 90-х гг. Общественно-политическая нестабильность уменьшилась, прекратились вооруженные конфликты, обозначились контуры хозяйственной стабилизации. Существенно положение региона изменилось во всех основных показателях, характеризующих участие стран СНГ в международном движении капиталов. В конце 90-х гг. Закавказье превратилось в лидера среди стран СНГ по сумме иностранных прямых инвестиций на душу населения (в 1998 г. – 238,1 долл.), значительно опережая другие регионы (Юданов Ю.И., 1999. С. 101–112). Причина в столь существенном притоке иностранного капитала связана с возможностями разработки энергоресурсов региона, прежде всего нефти и газа.

Сегодня нефте-газовые ресурсы стали одним из основных факторов мировой геополитики. Несмотря на широко обсуждаемую информационную революцию, энергетика и природные ресурсы остаются основой современной экономики. Рост ВВП любой страны на 1 % нуждается в

росте энергетических мощностей на 0,5%. С этим же теснейшим образом связана и проблема энергетической безопасности как отдельных стран (особенно лидеров мирового и регионального масштаба), так и межгосударственных объединений (например, ЕС). Ситуация с этим, видимо, в дальнейшем будет еще более обостряться, что связано, во-первых, с очагами существующей (и потенциальной) нестабильности в ряде стран – экспортеров углеводородов; во-вторых, со стремлением США поставить под свой контроль основные нефтедобывающие регионы (в том числе и прямыми силовыми действиями); в-третьих, со стремительным ростом экономических гигантов XXI в., таких, как Китай, Индия, Бразилия (Мазин А.В., 2006. С. 3). По этой причине стратегически важный и богатый нефтегазовыми ресурсами Каспийский регион стал сосредоточением соперничающих торгово-экономических интересов.

Помимо углеводородных ресурсов, Каспийское море располагает богатыми биоресурсами. Каспий разнообразен своей флорой и фауной, в нем, помимо всего прочего, сосредоточено 80–90% мирового запаса осетровых (белуга, осетр, севрюга). Ценность биоресурсов Каспия намного превышает стоимость добываемой в нем нефти. Оптовая цена тонны черной икры осетровых составляет на мировом рынке 200–600 тыс. долл. (в зависимости от вида рыбы), а нефти – всего 80–110 долл. за тонну. Выявленных запасов каспийской нефти хватит, по прогнозам ученых, лет на 40–50, а рыбы – на многие тысячелетия. По расчетам американских ученых, прикаспийские государства только из-за потери осетрового промысла будут терять ежегодно около 6 млрд. долл. А все биоресурсы Каспия оцениваются экспертами суммой около 500 млрд. долл. США (Салыгин В.И. Сафарян А.В., 2005. С. 254).

Еще одной причиной в привлечении иностранного капитала в регионе сыграли и геостратегические факторы. Расширение и модернизация транспортных коммуникаций, дальнейшее включение региона в континентальные транспортные сети остается одной из самых насущных и приоритетных задач относящихся к нему стран. Кавказско-Каспийский регион имеет большие перспективы стать важным узлом комплексных трансконтинентальных транспортных систем по линии Юг-Север и Восток-Запад, реализации международных трубопроводных (БТД, Голубой поток, Nabucco и др.) и транспортных («TRASECA» и Север-Юг) программ. В связи с этим, в Черноморско-Каспийском регионе пересекаются интересы различных региональных и мировых игроков, что создает конфликтный потенциал.

Расширение и модернизация транспортных коммуникаций, дальнейшее включение региона в континентальные транспортные сети остается одной из самых насущных и приоритетных задач относящихся к нему стран. Кавказско-Каспийский регион имеет большие перспективы стать важным узлом комплексных трансконтинентальных транспортных систем по линии Юг-Север и Восток-Запад (Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушаков А.М., 2003. С. 159; Южнороссийское обозрение. 2007, С. 120; Вартамян А.М., 2001. С. 50–55).

Каспий имеет огромный потенциал притяжения, и в случае налаживания и реализации вышеперечисленных проектов данный регион станет привлекательным для инвестиций как внутри страны, так и на международном уровне. Международная инвестиционная активность в Каспийском регионе может стать одним из важных инструментов предотвращения эскалации конфликтной напряженности в регионе. Воплощение в жизнь экономически перспективных проектов будет способствовать экономическому процветанию, социальной и политической стабильности и, как следствие, экономическому подъему и безопасности Черноморско-Каспийского региона.

Милитаризация Каспия

На сегодняшний день ситуация в Каспийском регионе характеризуется значительной неопределенностью. Государствам, имеющим выход к Каспию и обладающим разным потенциалом, имеющим разные цели и приоритеты, трудно вести согласованную игру. Некоторые из государств заинтересованы в развитии нефтегазоносных месторождений Каспия (Россия, Азербайджан, Казахстан, Грузия, США, Турция, Китай), а другие – нет (Туркменистан, Иран). Нерешенность ключевой каспийской проблемы – правового статуса моря – способна привести к политическим осложнениям: разногласия между прикаспийскими государствами (Ираном и Азербайджаном, Азербайджаном и Туркменистаном) из-за спорных углеводородных месторождений на Каспии грозят вылиться в вооруженный конфликт, несмотря на то, что это невыгодно ни одной из сторон. Соперничество между основными прикаспийскими государствами усилится, если подтвердятся прогнозы по нефтяным запасам моря и его недр, а это повлечет за

собой опасность политических, экономических и военных конфликтов между региональными и нерегionalными государствами (*Мальшева Д.Б., 2002, С. 53–63*).

Изменчивая политическая ситуация Каспийского региона, появление здесь иностранных компаний, натовских военных, различных региональных и нерегionalных игроков превращают этот регион в объект геополитического соперничества. Актуализируют каспийские проблемы урегулирования арабо-израильского конфликта, развития иракского кризиса и наращивания Ираном своей ядерной программы, расширение Европы, повышают спрос на энергоресурсы Каспия и придают политическую напряженность вокруг ресурсов и маршрутов их экспорта на внешние рынки.

Появление в Закавказье и на Каспии военных США и НАТО обострило военную обстановку в Черноморско-Каспийском регионе. В ответ на запущенную осенью 2003 г. Пентагоном программу «Каспийская стража», которая, по официальной версии, предполагает налаживание патрулирования и охрану границ прибрежных государств с целью перекрытия потока террористов, незаконного оборота оружия наркотиков в Каспийском бассейне, сфере, значительной для США, Россия и Иран высказали свою озабоченность. В противовес Россия была инициатором создания военно-морских сил быстрого реагирования по обеспечению безопасности в регионе Каспийского моря – КАСФОР (CASFOR – Caspian regional security and peacekeeping force), куда планируется включить на добровольных началах войска и морские части прикаспийских государств. Они должны будут бороться с терроризмом, противодействовать организованной преступности и наркотрафику. Одновременно предполагается ввести запрет на присутствие в регионе вооруженных сил третьих стран, не имеющих непосредственного выхода к Каспию, а также запретить плавание судов под их флагами. Иран начал развертывать крупномасштабные военные программы, резко в 1,5 раза увеличивает военное присутствие на Каспии, перебрасывая сюда ВМФ из Персидского залива (*Мальшева Д.Б., 2006. С.71–81*).

Удастся ли России сплотить вокруг себя прикаспийские государства – не столько для борьбы с «условными» террористами, сколько для противодействия отнюдь не условным геополитическим соперникам – покажет время. Пока же очевидно: слишком отличны у стран «прикаспийской пятерки» внешнеполитические ориентиры. Пока Антитеррористический центр ловит на Каспии мифических террористов, влиятельные мировые силы решают в регионе сложные геополитические задачи, результатом которых будет контроль над нефтяными и газовыми ресурсами региона (*Мальшева Д.Б., 2006. С. 71–81*).

На постсоветском пространстве насчитывается в настоящее время десятки «спорных территорий», что подогревает межнациональные и этнические конфликты. Большой сложностью отличается национально-этническая ситуация в Закавказье, где, как и в Центральной Азии, на части «спорных» территорий уже произошли кровавые конфликты и столкновения. Мощный конфликтный потенциал накоплен в республиках Северного Кавказа (*Мальшиева Д.Б.*, 1994, С. 30–41; *Гаджиев К.С.* 1993, С. 20–37; *Мирский Г.И.*, 1997, С. 12–22). Этнические и территориальные конфликты чрезвычайно дестабилизировали обстановку на Кавказе. В середине 90-х годов исследователями было насчитано более сорока этнических и территориальных конфликтов на Кавказе, включая потенциальные конфликты (*Кан Сам Гу*, 2002. С. 93–102).

Основной вызов, стоящий перед государствами Черноморско-Каспийского региона, – отсутствие уверенности в том, что в обозримой перспективе они займут комфортное положение по оси «центр-периферия» и не окажутся безнадежно отстающими от соседей. Речь идет о том, что государства региона опасаются оказаться на обочине в региональном измерении. Спад темпов развития в результате возможностей дестабилизации по внутривнутриполитическим причинам, кризисного состояния экономики, обострения конфликтов и т.д. может дестабилизировать общую ситуацию в регионе, содержать значительный конфликтный потенциал и тормозить региональное сотрудничество (*Куклина И.Н.*, 2002. С. 90–97).

Перспективы освоения ресурсов и их транспортировка на внешние рынки за пределами региона создают дополнительную нестабильность вследствие правовой неурегулированности статуса Каспийского моря, несовпадения позиций ряда стран по данному вопросу, конкуренции проектов строительства нефте- и газопроводов, наличие целого комплекса экономических проблем, связанных с состоянием торгово-экономических отношений. На неурегулированные конфликты накладываются политические разногласия, вызванные несовпадением интересов государств по жизненно важным для них вопросам. Таким образом, в обозримом будущем вряд ли можно ожидать, что конфликтная ситуация в регионе будет иметь тенденцию к разрешению. Внешнее воздействие для ряда государств еще больше создает для региона определенные риски. Хотя целенаправленная дестабилизация региона никому не нужна, нельзя исключать соблазн использования той или иной ситуации не в интересах мира и стабильности, а в целях достижения более узких интересов, как внешних, так и внутренних. Ситуация особенно опасна в связи с существованием здесь непризнанных государственных образований. И, как показало время, такой соблазн отчасти получил свою реализацию в августе 2008 года, когда вылился в Грузино-Югоосетинскую войну (*Перепелкин Л.С.*, 2008. С. 4–25; *Шеринёв Л.И.*, 2008. С. 26–70).

Так называемая «пятидневная война» при всем своем локальном характере вызвала мировой резонанс и имела последствия, выходящие далеко за пределы кавказского региона. Она внесла существенные изменения в геополитическую ситуацию на Кавказе и, соответственно, в характер взаимоотношений главных акторов в регионе. Все еще ведутся дискуссии о ее истоках, характере и последствиях как для южнокавказских государств, так и для взаимоотношений России с Западом в целом и США в частности (*Малащенко А.В.* 2008. С. 101; *Гаджиев К.С.*, 2009. С. 31–43; *Андреев А.Л.*, 2009. С. 74–80; *Воронов К.В.*, 2009. С. 52–58; *Загладин Н.В.* 2010. С. 3–10). Грузино-Югоосетинская война показала, что Кавказ продолжает характеризоваться мозаичностью и политической нестабильностью. Существующие здесь реальные и потенциальные этнонациональные, территориальные, конфессиональные и иные противоречия и конфликты продолжают оказывать существенное влияние на геополитическую ситуацию в регионе, а также определять векторы внешнеполитической стратегии каждого из трех южнокавказских государств. Война и ее последствия еще более усложнили геополитическое положение, которое характеризуется усилением неопределенности и неустойчивости (*Загладин Н.В.*, 2010. С. 3–10).

Несовпадение целей и задач различных организаций безопасности, задействованных здесь, обуславливает их избирательную активность на ряде направлений, столкновение интересов в конкурентном соперничестве за расширение сфер влияния и т.д. Все это постоянно провоцирует новые риски и вызовы за счет ущемления интересов одних и поддержки других игроков, что в условиях сложного и динамического соотношения сил служит постоянным источником напряженности внутривнутрирегиональных отношений. Острой проблемой региональной стабильности является возможное включение части его стран в НАТО. Это проблема особенно болезненна и остается важной для России. У России в регионе сильных союзников фактически нет. Иран в качестве союзника для нейтрализации данной проблемы не может выступать, а может только

усугубить ситуацию, исходя из ирано-американских отношений и развитие Ираном своей ядерной программы, которая вносит дестабилизирующий фактор на беспокойный Большой Ближний Восток, имеющий важное значение для всего Кавказа. Таким образом, продвижение НАТО в регион – это проблема глобального уровня, и возможности адекватного ответа на этот вызов могут рассматриваться лишь в контексте отношений России с другими полупериферийными странами Азии и ЕС, а также с самим НАТО (Куклина И.Н., 2002. С. 90–97; Долматович И.А., 2007. С. 43–49).

С военно-стратегической точки зрения, значение Кавказа для Российской Федерации определяется его выгодным геополитическим положением в контексте защиты ее стратегических и геополитических интересов, обеспечения политической и социально-экономической стабильности на ее южных рубежах, сохранения своего влияния в обширном регионе, охватывающем весь Кавказ, Средний и Ближний Восток, Центральную Азию. Поскольку многие угрозы национальной безопасности России исходят изнутри самой России, особую актуальность приобретают способность и готовность оперативно и адекватно реагировать не только на внешние вызовы, но и на вызовы, бросаемые стране экстремистскими и сепаратистскими силами внутри страны.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

Государственная независимость, обретенная странами Центральной Азии и поддерживаемая чувством национальной и государственной идентичности, способствовала разрыву экономических и межгосударственных отношений в регионе, это привело к глубокому экономическому и территориальному кризису. Опасность для региона включают возникновение пограничных конфликтов, рост религиозного экстремизма и терроризма, потребление и контрабанда наркотиков; неравномерное распределение водных ресурсов; кризисное положение в области экологии; потоки беженцев; отсутствие самодостаточности в экономике и т.д. В совокупности все эти факторы представляют прямую угрозу стабильности и безопасности для всех стран центральноазиатского региона. Появление бывших союзных республик на международной политической арене в качестве самостоятельных субъектов резко активизировало существовавшие в советское время проблемы и вызвало множество новых территориально-этнических притязаний и конфликтов (Усубалиев Е., Усубалиев Э., 2002. С. 74–82).

Главным фактором нестабильности в Центральной Азии, как и на Кавказе, является столкновение интересов в этом регионе различных государств и политических групп. Впрочем, точно так же как и в других регионах мира. А низкий уровень жизни, этнические конфессиональные противоречия, терроризм и т.д. обостряют и обуславливаются этим главным фактором, то есть во многом являются его производными. Здесь реальные дела и их последствия, а также действительные приоритеты не всегда согласуются с декларациями. Например, «цветные революции» на территории СНГ – явный результат этого главного фактора нестабильности. Декларации о строительстве демократии, торжестве свободного выбора и волеизъявления народа, общечеловеческих ценностях и т.д. – в данном случае вещи из области пропаганды (Зиганшин Р.М., 2007. С. 211–214).

Территориально-приграничные проблемы

В Центральной Азии установились причудливые очертания границ, которые в некоторых ее странах затрудняют доступ из одной части страны в другую. Так, чтобы попасть из столицы Таджикистана в его областной центр Худжанд (бывший Ленинабад), необходимо пересечь территорию Узбекистана. Коммуникации между южными областями Кыргызстана (Ошской и Джалал-Абадской) возможны только через узбекскую территорию. Таким образом, нынешнее состояние государственных границ несет в себе конфликтный потенциал, который может проявиться в виде территориальных и этнокультурных притязаний. В свою очередь, этническая смешанность и споры о территориальных границах – один из основных факторов, мешающих заложить надежный фундамент в строительство общего пространства безопасности в регионе. (Усубалиев Е., Усубалиев Э., 2002. С. 74–82). Исходя из этого, Ферганская долина является самым слабым местом региональной стабильности. Нерешенность пограничного урегулирования ставит не только вопросы о делимитации и демаркации границ, это еще и крупная этническая проблема. Сложность заключается в том, что по разные стороны границ Кыргызстана с Таджикистаном,

Узбекистана с Кыргызстаном и наоборот в виде анклавных вкраплений в каждом из государств проживают крупные диаспоры других народов. «Удельный вес» узбекских диаспор в этнонациональной структуре Таджикистана составляет 24,4%, Кыргызстана – 13,8%. А в численности населения Узбекистана 4,8% – таджики и 0,9% – кыргызы. При этом абсолютное большинство (73,5%) кыргызов Узбекистана проживают в трех областях Ферганской долины: Андижанской, Ферганской и Наманганской. Если в общем количестве населения Узбекистана (24 млн. чел.) число кыргызов довольно мало, то по отношению к численности жителей Кыргызстана (5,4 млн. чел.) 13,8% узбеков (300–350 тыс. чел.) – крупная диаспора. При этом необходимо учитывать, что большинство узбеков проживает в Баткенской, Ошской и Джалал-Абадской областях (Ферганская долина) Кыргызстана (Мусаев Б., 2000. С. 110). Наличие такого большого числа узбекского населения затруднит установление границ, так как порождает стычки и конфликты между кыргызами и узбеками. Известным трагическим примером могут служить межэтнические столкновения между киргизами и узбеками, вспыхнувшие 10–13 июня 2010 года в городе Ош, где, по официальным данным, всего за время конфликта убито 442 человека, более 1500 ранено, а массовое внутреннее и внешнее перемещение населения во время и сразу после июньских событий создали серьезный гуманитарный кризис.

Проблема установления границ и взаимоотношений с соседями в Центральной Азии, в особенности в Ферганской долине, является на сегодняшний день одной из ведущих. Она серьезно дестабилизирует отношения не только между отдельными государствами, но и в регионе в целом. В условиях современных международных политических отношений и процессов неурегулированные территориальные споры ведут к неизбежному росту дестабилизирующих факторов в сфере обеспечения безопасности как отдельно взятого государства, так и какого-либо конкретного региона в целом.

Проблема водных ресурсов

Центральная Азия располагает достаточными речными системами – это реки с бассейнами Амударья, Сырдарья, Чуй и Талас, Обь-Иртыш, Урал, Заравшан и озеро Балхаш. Наибольшее значение имеет и большое количество споров вызывает использование водных ресурсов трансграничных рек Амударья и Сырдарья. Проблема использования жизненно важных водных ресурсов затрагивает все страны региона (Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана).

В связи с территориальными проблемами вопросы водопользования и распределения воды остро отражаются на состоянии межнациональных отношений и вызывают многочисленные конфликты. Их особенность – межэтнический характер, что в первую очередь связано со столкновением различных культурно-хозяйственных типов, носителями которых являются представители разных этносов. Наглядное свидетельство тому – «конфликт вокруг раздела воды и земли в Шаартузском, Кабодиенском, Пянджском районах юга Таджикистана между полукочевыми арабами и узбеками, с одной стороны, и земледельцами, каратегинскими таджиками – с другой» (Олимов М., Камолитдинов А., 1999. С. 12). Данный конфликт является наиболее кровавым пятном гражданской войны в Таджикистане 1992–1993 гг. Однако аналогичные конфликты в приграничных зонах, особенно в Ферганской долине, обладают еще более мощным конфликтным потенциалом. Этнические противостояния в Ферганской долине связаны с водой или недостатком поливных земель. Так, поводом для серьезных политических разногласий между двумя соседними республиками стал конфликт 1998 г. между таджиками Исфаринского района Худжандской области Таджикистана и кыргызами Баткенского района Ошской области Кыргызстана (Усубалиев Е., Усубалиев Э., 2002. С. 74–82).

Конфликтный потенциал будет возрастать по мере расширения площадей ирригации хлопка и увеличения количества населения в этой долине. На сегодняшний день государства Центральной Азии не нашли решения этих проблем. Главное препятствие на пути взаимовыгодного решения проблем водопользования – нежелание руководителей ряда стран региона признать и определить статус водотоков. При этом необходимо учесть экономические интересы государств, основных владельцев водных ресурсов и справедливо решить вопросы о спорных участках границ (Джанузиков А., 2000. С. 95).

За последние 15 лет в странах Центральной Азии с недостаточным водным потенциалом наблюдается тенденция сокращения естественных поверхностных вод. При этом необходимо учитывать, что, по экспертным оценкам, «остаточные нефтегазовые запасы Узбекистана

рассчитаны на 30 лет, Казахстана – на 70 лет, и эти страны в перспективе будут нуждаться не только в воде, но и в углеводородах, в то время как Кыргызстан и Таджикистан обладают вечными запасами пресной высококачественной воды (высокогорные ледники)» (Мухаббатов Х., 1998. С. 93). Совершенно очевидно, что проблема рационального использования водно-энергетических ресурсов имеет стратегическое значение для Кыргызстана и Таджикистана, где формируются основные водные источники региона. Они обеспечивают этим жизненно важным ресурсом испытывающие нехватку воды государства Центральной Азии. Данная проблема очень острая и довольно сложная, и в будущем водная проблема Центральной Азии будет усугубляться.

Вывод войск НАТО из Афганистана и безопасность Центральной Азии

Тема вывода войск из Афганистана и безопасность в Центральной Азии на сегодняшний день является злободневной темой для всего мира. Эксперты из США, Европы и стран Центральной Азии делятся своим мнением и ожиданиями после вывода войск международных сил по поддержанию безопасности в Афганистане к 2014 г. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Пан Ги Мун в 2011 г представил свой доклад Совету безопасности ООН, в котором говорится, что ситуация в Афганистане остается политически нестабильной, число актов насилия резко возросло. В документе отмечается, что количество вооруженных инцидентов и взрывов в Афганистане постоянно растет. Основные антитеррористические операции по-прежнему проводятся на юге и юго-востоке страны, на которые приходится две трети нападений боевиков. Автор доклада также подчеркивает, что в тех районах страны, которые перешли под контроль национальных силовых структур, все еще «приходится наталкиваться на сопротивление повстанцев, которые пытаются проверить на прочность способность афганских властей обеспечивать безопасность». Экспертов в настоящее время волнует главный вопрос: как будет дальше разворачиваться ситуация в регионе после вывода войск антитеррористической коалиции из Афганистана? Одни эксперты по данному вопросу опасаются роста радикализма и распространения волны насилия на другие страны Центральной Азии, другие же считают, что обстановке ничего не угрожает и эти опасения являются просто разменной картой в большой геополитической борьбе, вступившей в новую фазу в регионе.

В обоснованность первого утверждения говорит то, что начиная с 2010 г. в Центральной Азии наблюдается рост религиозно-политического экстремизма. С момента обретения независимости странами Центральной Азии в начале 1990-х гг. идеологический вакуум активно начала заполнять религия. В результате различные исламистские объединения получили свободу действий и начали призывать к созданию халифата, в котором правил бы шариат. Степень активности исламистских боевиков в Центральной Азии зависит от вывода американских войск. Вывод войск из Афганистана может спровоцировать возрождение джихадистов в регионе. Вакуум в обеспечении безопасности, который возникнет после вывода американских войск и сил союзников, может привести к дестабилизации обстановки по мере того, как некоторые силы внутри страны начнут вести борьбу за освободившееся пространство.

Представитель России в НАТО Дмитрий Рогозин в интервью французскому изданию *Le Figaro* выразил озабоченность последствиями ухода НАТО из Афганистана. По его словам, уход войск антитеррористической коалиции будет угрожать стабильности не только в Центральной Азии, но и России.

Талибы уже сейчас считают себя победителями. Им остается только дождаться 2014 г., обозначенного как фиксированная дата вывода войск. Никакой нужды в переговорном процессе они не испытывают. Одна афганская поговорка гласит: «Чужаки в нашей стране владеют часами, но временем обладаем мы». Талибы знают, что при любом раскладе они будут частью нового политического устройства и от них будет зависеть будущее Афганистана.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) в настоящее время является сдерживающим фактором, направленным против трех угроз во всем азиатском регионе. На ШОС смотрят как на организацию, предназначенную для многополярного мира и возникшую как результат формирования многополюсной системы. Интересы между членами ШОС также не всегда совпадают, особенно между Россией и Китаем. В данном случае США являются, с одной стороны, неким консолидирующим фактором для стран-членов этой организации. С другой стороны, они могут играть на внутренних противоречиях ШОС – это, наряду с проводимой США политикой, противоречащей их интересам, является дестабилизирующим фактором в этом регионе. США ведут свою политику в Средней Азии строго в соответствии со своими национальными

интересами. Где им выгодно, они будут являться фактором стабильности в регионе, где не выгодно, соответственно, наоборот (*Зиганшин Р.М.*, 2007. С.211–214). Главное сейчас для России – грамотно выстроить приоритеты и свои национальные интересы.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев А.Л. Внешнеполитические представления Россиян после кавказского кризиса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 5. С. 74–80.

Вартанян А.М. Международный транспортный проект «Север-Юг» – мост из России на Ближний Восток // *Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности*. Сборник статей. М.: ИВ РАН, 2001. С. 50–55.

Воронов К.В. Северная Европа после кавказского кризиса: безопасность и отношения с Россией // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 5. С. 52–58.

Гаджиев К.С. Геополитические конфликты Кавказа в стратегии России // *Мировая экономика и международные отношения*. 1993. № 2. С. 20–37.

Гаджиев К.С. Размышления о последствиях «пятидневной войны» для геополитики Кавказа // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 8. С. 31–43.

Джанузакоев А. Новые независимые государства Центральной Азии в мировом сообществе. М., 2000. С. 95.

Долматович И.А. Военно-экономические аспекты национальной безопасности России: Кавказский регион // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 2. С. 43–49.

Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушаков А.М. Геополитика каспийского региона. М.: Международные отношения, 2003. С. 280.

Загладин Н.В. Конфликт вокруг Грузии – симптом кризиса системы миропорядка // *Мировая экономика и международные отношения*. 2010. № 5. С. 3–10.

Зиганшин Р.М. Факторы нестабильности в Центральной Азии // *Востоковеды о международных проблемах Востока*. М.: ИВ РАН, 2007. С. 211–214.

Кан Сам Гу Генезис конфликтов в Закавказье и роль России // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 10. С. 93–102.

Куклина И.Н. Проблемы безопасности в Черноморско-Каспийском регионе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 1. С. 90–97.

Мазин А.В. Ресурсы и конфликты // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 8. С. 3.

Малашенко А.В. Северный Кавказ: когда закончилась война // *Pro et contra*. 2008. № 5–6. С. 101.

Мальшиева Д.Б. Этнические конфликты на юге СНГ и национальная безопасность России // *Мировая экономика и международные отношения*. 1994. № 3. С. 30–41.

Мальшиева Д.Б. Российская карта в каспийском пасьянсе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 7. С. 53–63.

Мальшиева Д.Б. Геополитические маневры на Каспии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 5. С. 71–81.

Мирский Г.И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. № 2. С. 12–22.

Мусаев Б. Узбекистан: региональная безопасность и социально опасные тенденции развития общества // *Центральная Азия и Кавказ*. 2000. № 3 (9). С. 110.

Мухаббатов Х. Водные ресурсы Таджикистана: формирование и использование // *Центральная Азия и Кавказ*. 1998. № 1 (13). С. 93.

Олимов М., Камолитдинов А. Региональное сотрудничество по использованию водных и энергетических ресурсов Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 1999. № 2 (3). С. 12.

Перепелкин Л.С. Пятидневная война – что это было? // *Кавказ и Центральная Азия: аналитические материалы, текущие события*. М.: ИВ РАН. 2008. Бюллетень № 10. С. 4–25.

Салыгин В.И., Сафарян А.В. Современные международные экономические отношения в Каспийском регионе. М.: МГИМО. 2005. С. 344.

Усубалиев Е., Усубалиев Э. Проблемы территориального урегулирования и распределения водно-энергетических ресурсов в Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2002. № 1 (19). С. 74–82

Шеринёв Л.И. Российско-грузинская война: выводы, уроки, последствия // Кавказ и Центральная Азия: аналитические материалы, текущие события. М.: ИВ РАН, 2008. Бюллетень № 10. С. 26–70

Юданов Ю.И. Закавказье: оценки инвестиционной привлекательности // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 11. С. 101–112.

Южнороссийское обозрение. Ростов на Дону, 2007. № 42. С. 210.